

глеб сташков

ЗАПИСКИ
КУПЧИНСКОГО
ГОПНИКА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С78

Серия «Петербургская сторона»
Дизайн обложки: *Василий Половцев*

Сташков, Глеб Валерьевич

С78

Записки купчинского гопника / Глеб Сташков. —
Москва: Издательство АСТ, 2016.— 249, [2] с.—
(Петербургская сторона).

ISBN 978-5-17-093225-2

Автор этой книги — пожалуй, самый ироничный питерский колумнист, обозреватель журнала «Город 812», дважды обладатель премии «Золотое перо», журналист, «которого редакторы все время просят о чем-то написать».

И он пишет — о политике, образовании, спорте, ЖКХ, балете и русском хамстве, которое, по мнению автора, есть национальная гордость наряду с балетом.

Издатели этой книги тоже попросили «о чем-то написать — и получились «Записки купчинского гопника».

«Из всех спальных районов Купчино — самый спальный. Из всех многоэтажек наши — самые однотипные. И только средние школы у нас не самые средние, а самые худшие.

У нас чаще всего лопаются трубы и трескается асфальт. К нам реже всего приезжает начальство и чаще всего — гастарбайтеры. Нам быстрее доехать до Царскосельского лицея, чем до Эрмитажа. Но мы в лицей не ездим. Равно как и в Эрмитаж.

А вообще-то у нас живет математик Перельман. Но его все равно никто никогда не видел».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

© Сташков Глеб, текст, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава первая

Дом

Телефон звонил и, вибрируя, сползал к краю журнального столика, пока не рухнул на пол.

Я протянул руку:

— Слушаю.

— Это с канала ДТВ, — раздался женский, а скорее даже девический голос. — Вы помните?

— Я не смотрю телевизор.

В трубке послышалось сопение, за которым чувствовалась напряженная мозговая деятельность. Вскоре стало ясно, что напряженная деятельность не привела к ощутимым результатам:

— Это с канала ДТВ. Вы помните? — повторил девический, определенно девический, голос.

— Я не могу помнить ваш канал, я не смотрю телевизор. И вообще я хочу спать.

— Но мы же договорились встретиться.

— Да? Очень интересно. Это меняет дело. Не то чтобы совсем меняет, но может изменить. Я, знаете ли... Неважно. Тебя как зовут?

— Аня.

— Слушай, Аня, давай встретимся вечером, как все нормальные люди. Я пока не очень в форме, я пока, можно сказать, в штатском.

— Разве мы переходили на ты?— А разве нет?

— Нет,— отрезала Аня.

— Так чего ты, то есть вы, от меня хотите?

— Я жду вас. С бригадой.

— С бригадой? — Я слегка смутился.— Если с бригадой, значит, мы, вероятно, уже встречались. И, вероятно, не очень удачно. Какие у вас ко мне претензии?

Аня засмеялась. Даже не засмеялась, а как-то внезапно всхотнула. Нет, внезапно взоржала, вот как будет правильно.

— Я поняла, вы так шутите. Издеваетесь над молоденькой девочкой-практиканткой.

Вообще-то над молоденькими девочками-практикантками я издеваюсь совершенно не так.

— Короче говоря,— сказала Аня,— через час мы встречаемся на проспекте Славы и вы устраиваете нам обещанную экскурсию. Вспомнили?

Ничего я не вспомнил. Что я могу вспомнить? Помню только, что вчера ко мне пришел Артур. Следовательно, мы пили. Мы всегда, когда встречаемся с Артуром, пьем. Когда-то мы вместе готовились к экзаменам. И не пили. А потом, будто желая наверстать упущенное, стали пить при каждой встрече.

Артура, кстати, зовут Артурик. Он по паспорту Артурик Суменович Меликян. А его родной брат по паспорту Фердинанд. Что должно быть в голове у родителей, чтобы одного сына назвать Артурик, а второго — Фердинанд? Я понимаю, если одного назвать Фердинанд, а второго — Герберт. Или одного — Артурик, а второго — Жоржик. Но Артурик и Фердинанд — это выше моего понимания.

Природа тоже возмутилась, что ее убогих пасынков нарекли таким чудным образом. А природа шутить не любит. Или любит? Любит. Но зло. Природа любит злые шутки. И природа зло пошутила над незадачливыми родителями. Впрочем, расхлебывать пришлось детям. Ни один из братьев решительно не подходил к своему имени. Невысокий, хрупкий и несколько женоподобный младший брат носил грозное имя Фердинанд, а рядом с ним возвышался 120-килограммовый бородатый Артурик.

Я всегда называл его Артуром. Обращаться к взрослому мужику уменьшительно-ласкательным именем Артурик — это нелепо, смешно и вообще весьма двусмысленно. Если я называл его Артуриком, то окружающие — в свою очередь — называли меня Педиком. А я не люблю, когда меня так называют, тем более что это неправда. И тем более что педиками называли нас обоих. А Артурик еще больше, чем я, не любит, когда его так называют.

Однажды в ночном клубе Fireball, что на Альпийском, он долго бил такого вот называльщика. Очень долго. Пока друг называльщика не подкрался сзади и не разбил об артуриков затылок пивную кружку. К счастью, дело было рядом с туалетом, так что кровь из затылка благополучно вытекла в раковину, после чего мы перевязали голову принесенным из бара полотенцем и уселись пить виски.

Вчера Артур пришел ко мне с литром водки. Он был возбужден. Он выступал по телевидению и дискутировал по поводу ЖКХ. И требовал, чтобы я посмотрел передачу в интернете.

Мы посмотрели. Внешне Артур выглядел неплохо. Внушительно. Солидно. Он был немногословен. Собственно, право говорить Артур предоставил своему оппоненту, который с удовольствием этим правом

воспользовался. Его плавно, словно говно по трубам, текущую речь Артур время от времени перебивал короткими репликами двух типов: «И чё?» и «Ну и чё?» Когда Артур, наконец, собрался с мыслями и произнес относительно длинную фразу, а именно: «Я вот чё хотел сказать», — передача закончилась.

Я поздравил Артура с теледебютом, мягко ввернув про первый блин, который не всегда выходит нужной формы.

А потом мы пили.

— Ты знаешь, кто такой Борхес? — спросил Артур после четвертой рюмки.

— Приблизительно, — сказал я.

То есть сначала я совсем ничего не говорил. Сначала я удивлялся. Не сказать, чтобы Артур был ценителем и знатоком литературы. Лет двадцать назад он прочитал Ремарка, решил, что это абсолютная вершина, и прекратил знакомство с литературой, дабы в дальнейшем не испытать разочарования.

А тут вдруг Борхес.

— В новелле «Четыре цикла» Борхес утверждает, что во всей мировой литературе существует только четыре сюжета.

— Выпьем.

Мы выпили.

Я надеялся, что в процессе выпивания рюмки и закусывания малосольным огурцом по 104 рубля за банку Артур забудет своего дурацкого Борхеса. Он не забыл.

Итак, Борхес уверял, что существуют всего четыре сюжета и четыре героя. Первый сюжет — это обороняющийся город. Троя. Защитники Трои знают, что они обречены. И Ахилл, который штурмует Трою, знает, что он обречен. В общем, все знают, что они обречены, но все равно мучают себя и других.

Второй сюжет — история возвращения. Та же Троя и Одиссей, который возвращается домой, где его, откровенно говоря, не очень-то ждут. В третьем сюжете герой не возвращается, а, наоборот, уходит и чего-то ищет. Как Ясон, который ищет золотое руно. Наконец, четвертый сюжет — самоубийство бога. Тут Артур ничего внятного объяснить не смог, что не мешало ему восхищаться глубиной и оригинальностью Борхеса. Четыре сюжета — и больше ничего. За всю историю человечества — ни сюжетом больше. Артур решил даже написать роман, вернее — четыре романа.

— Не нужно,— говорю,— писать четыре романа. Роман один. И герой один. И каждый божий день в твоей жизни случается роман, который включает все четыре сюжета.

— Не кощунствуй,— сказал Артур.

Я пожал плечами. Слушай, коли не веришь.

— Сначала ты, как Ясон, отправляешься в путь. Тебя манят дальние страны, влекут неведомые земли, и сердце твое замирает в предвкушении подвигов и приключений. Ты ищешь свое Эльдorado,— я взял сигарету, щелкнул зажигалкой и медленно затянулся.— И Эльдorado твое — это кабаk, в котором сто грамм стоят не дороже восьмидесяти рублей. И можно смело принять на грудь. И повторить, и повторить трижды.

— Трижды — мало.

— Конечно, мало,— сказал я, доливая остатки.— Ты повторил бы и восемь раз, но в кабаке, естественно, нет мест. Потому что в гадюшниках, которые ты посещаешь, никогда нет мест. Ты осаждаешь кабаk, прекрасно зная, что в любом случае обречен. Парис уже натянул свой лук, и ты, бесстрашный Ахиллес, обречен ужраться в сракотень, что и делаешь в течение полчаса. Потом, как хитроумный Одиссей,

ты возвращаешься домой. Поскольку ужрался ты в реальную сракотень, по дороге тебе встречаются и сивиллы, и циклопы, и андромеды, и прочие телемахи.

— Гопники,— сказал Артур.— По дороге мне обычно встречаются гопники.

— Гопники, пожалуй, похуже циклопов. Гопники — это Сцилла и Харибда. Но ты проскальзываешь между Сциллой того, чтобы навалить им, и Харибдой того, чтобы огрести самому. А на утро просыпаешься и понимаешь, что вчера бог конкретно самоубился. А если не самоубился, так его самоубьет твоя Пенелопа.

— Наташка, что ли?

— У тебя есть другая Пенелопа?

Артур задумался. Затянулся красным винстоном и грустно спросил:

— Так просто?

— Все в жизни просто, если не читать Борхеса.

Сами понимаете, мы были бы распоследними пижонами, если бы после этого не сгоняли за вторым литром.

И теперь я перед вами. Ничего не помню, ничего не знаю, а мне звонит какая-то Аня. С бригадой.

Захожу на кухню. На столе записка. «С собакой погулял. Похмелиться оставил. Тебя с утра ждут телевизионщики. Расскажи им про Купчино. Артур».

Так вот оно в чем дело. Рассказать про Купчино. Расскажем, не вопрос. Когда написана эта записка? Ближе к вечеру или ближе к утру? Будем считать, что ближе к утру. Значит, с собакой можно не гулять. Можно сразу идти к телевизионщикам, благо спал я, не раздеваясь.

Выхожу из квартиры и натыкаюсь на соседку.

— Когда ты помоешь пол? — спрашивает соседка. Это она лестничную клетку имеет в виду.

— Никогда.

Это я тоже лестничную клетку имею в виду.

У меня плохая соседка. Она громко ругается по ночам и, говорят, колдует. Насчет колдовства точно не скажу, а ругается громко. С дочкой.

У дочки жизнь не сложилась. Как говорили очеркисты былых времен, дочка — человек сложной судьбы. Потому что она дура.

*Рассказ про ружье на стене,
которое то не стреляет, то стреляет, да не туда*

Много лет назад дочка завела себе травматический пистолет. Зачем — ума не приложу. Уверяла, что боится изнасилования. Никто ей не верил. Она и так давала всем, кто хотел. И всем, кто не очень хотел, тоже давала. Иногда умудрялась дать и тем, кто совсем не хотел.

Пистолет она обожала. Ловко выхватывала из сумочки двумя руками, чуть приседала и, вытянув руки, кричала: «Пиф-паф». Когда они приседала, мини-юбка задиралась выше положенного, поэтому мы каждый день знали, какого цвета у нее сегодня нижнее белье. Иногда нижнего белья вовсе не оказывалось.

Однажды на улице ее обступили какие-то гопники. Они, наверное, ничего плохого в виду не имели. А может, имели, кто их разберет.

— Ты чего? — спросили гопники.

— Ничего, — ответила соседкина дочка. — А вы чего?

— Мы ничего, — ответили гопники. — А ты чего?

— А я ничего, — ответила соседкина дочка. — Я в магазин иду.

— А зачем? — спросили гопники.

— А ни за чем, — ответила соседкина дочка.

Такой разговор может продолжаться часами. Он и сутками может продолжаться. И, как правило, не ведет ни к каким последствиям. Однако на этот раз соседкина дочка решила выпендриться. Она напряглась, робко достала пистолет и начала целиться то в одного, то в другого гопника. Кто-то говорил ей, что травматическим пистолетом можно убить. Убить она не хотела. И покалечить не хотела. Она сама не знала, чего хотела. Стояла и трусила.

А гопники тоже стояли и трусили. Потом им надоело ждать, а тем более трусить. Они отняли у нее пистолет, а заодно сломали нос и слегка порвали рот. Еще они сломали пару ребер, но этого не видно. А сломанный нос и порванный рот очень даже видно. Все во дворе смеялись и говорили, что рот стал более рабочим.

Я не смеялся. Я думал, что Чехов был неправ. Если на стене висит ружье, оно вовсе не обязательно выстрелит. Не выстрелил же пистолет. Значит, Чехов вывел неправильную мораль. Мораль в том, что если уж ты повесил на стене ружья, то стреляй. А если не можешь выстрелить, так нечего и ружья развешивать. Ружье может и вовсе в тебя выстрелить. Запросто. И не надо говорить, что это, мол, только у вас в Купчино ружья по хозяевам стреляют.

По этому поводу могу рассказать историю не про Купчино. Про археологическую экспедицию. Дело было в Туве. Точнее, на границе Тувы и Красноярского края. В селе Верхнеусинском. Огромное село. Наполовину староверческое, наполовину тувинское. Не знаешь, кто хуже — староверы или тувинцы. Говорят, где-то староверы живут чуть ли не нараспашку. И дом от дома у них даже забором не огорожен. Я таких староверов не видел. Я видел, что финны так живут у себя в Финляндии, а староверов таких не видел.

А вот рассказы про кружку — это правда. Сам был свидетелем. Просишь попить — приносят в глиняной кружке, а потом разбивают. Прех пить после табачников-никониан.

А заборы у них есть. Очень, скажу вам, серьезные у них заборы. Сплошные. У нас в деревнях заборы с просветом. Дощечка — просвет — опять дощечка — опять просвет. А у них сплошные — доска к доске. И высоченные. И окна на улицу не выходят. Идешь по улице: с одной стороны глухая стена, и с другой — глухая. Жутковато.

А тувинцы были добродушными и почти милыми. Через пару лет они в Туве начнут убивать русских. У нас про это ничего не говорили. Потому что Тува далеко от Европы. И потому что у нас тогда своих забот хватало. Но, когда я посетил Верхнеусинское, на дворе стоял всего лишь 88-й год, и тувинцы русских не убивали. Иногда русские убивали русских. За неделю до нашего приезда кто-то кого-то замочил. Шло разбирательство, впрочем, без большой надежды на успех.

Но тувинцы и старoverы жили в селе, а мы жили на природе. Горная речка. Берега, поросшие лесом. А дальше — степь. И со всех сторон — горы. Это называлось Усинская котловина. В степи жили суслики. На них охотились орлы. А может, не орлы, а какие-то другие хищные птицы, точно не помню. Помню, что птицы парили, зависали в воздухе, а потом камнем падали вниз, хватали суслика и снова взмывали под облака. Красотища.

Всем хорошо, смущало только наличие села Верхнеусинское в пяти километрах от нашей стоянки.

Мы решили подготовиться к встрече с местными. Настрогали кольев. Один наш товарищ, выдававший себя за каратиста, обучал нас обращению с кольями по системе Шаолинь, которую он изучил, смотря по виду фильма с Брюсом Ли.

Не скажу, что я был трусом. Я, скорее, был осторожен и благоразумен. Хотя мне еще четырнадцати лет не исполнилось. У меня все не как у людей. Осторожность и благоразумие во мне с годами не накапливались, а улетучивались. Но тогда я был благоразумным. Я не одобрял затею с кольями.

Во-первых, я не понимал, зачем колья. Мы же готовились дать отпор местным жителям, а не вурдалакам, хотя первые и походили на вторых. Кроме того, я предсказывал, что эти колья в нас и вопьются. Словно вещая Кассандра, я вещал, но меня не слушали.

Наконец, в один прекрасный вечер появились местные. Они были прекрасны. Они приехали на лошадях. Предлагали нам покататься. Одна девочка из нашей экспедиции занималась конным спортом. Она грациозно гарцевала на лошади. А мы в это время разговаривали с аборигенами.

— Я живу в двенадцатиэтажном доме на четвертом этаже, — рассказывал я.

— А где вы скотину держите? — интересовались аборигены.

— Мы не держим скотину. Мы ходим в магазин и покупаем там свинину с говядиной.

Местные смотрели искоса. Они не спорили, не опровергали, но явно не верили. «Ври, ври, все равно тебя не проверить», — думали местные. Их можно понять. В их магазине ассортимент не баловал разнообразием, зато отличался завидным постоянством — хлеб, салат из морской капусты и березовый сок в трехлитровых банках. Изредка завозили слипшиеся конфеты — «подушечки».

Из аборигенов только один и только раз в жизни покидал пределы Усинской котловины. Ему вырезали аппендицит в Минусинске. А Минусинск, скажу я вам, — это дыра почище нашей Луги.

Они не верили, что в магазине можно купить мясо. О колбасе они вообще имели смутное представление. Хотя телевизоры у них в котловине вроде показывали, но, видимо, телекартинку они воспринимали как сказку. И то верно, что телевизор в те годы много врал. Не так, как сейчас, но тоже много. В общем, мы мило пообщались.

На следующий вечер местные снова заявили в гости. Они были пьяны и агрессивны. И приехали не на лошадях, а на мотоциклах с коляской. Наверное, в пьяном виде управлять лошадьёю запрещается.

Вместе с подростками приехали взрослые мужики.

— Отдавайте нам девушку, — заявили аборигены.

— Какую девушку? — спросили мы.

— Ту, которая на лошади каталась.

Начальница нашей экспедиции не могла отдать им девушку. Девушка была несовершеннолетней.

Местные жители переглянулись и стали бить своего товарища. Товарища они называли Хуям. Он был тувинец. Я до сих пор не знаю, что такое Хуям — кличка или тувинское имя.

Избив Хуяма, они запихали его в люльку мотоцикла. Запихали головой вниз и собрались уезжать.

И тут выступила наша начальница, гуманистка хренова.

Вообще-то наша начальница-археологиня была не вполне адекватной. Честно говоря, она была совсем неадекватной, но при этом придерживалась принципов. Она запрещала нам три вещи. Курить, играть в карты и грызть семечки. Можно было придумать более idiotские запреты, но сложно. Никто из нас не курил. Семечек в Сибири нет. В Сибири грызут кедровые орехи. В результате долгих препирательств и схоластических диспутов мы доказали, что кедровые орехи — это не то же самое, что семечки, и их грызть можно. В карты мы играли в палатках.

Правда, в тот раз нам довелось перекинуться в картишки в поезде. Мы ехали из Ленинграда в Новосибирск. Четверо суток. В плацкартном вагоне. Наша компания занимала плацкартное купе, а рядом — на боковушке — ехала семья молодых бурятов. Муж и жена. Они ехали до Улан-Уде. На боковушке им предстояло провести суток семь или восемь.

Эти счастливицы курили, играли в карты, а также грызли семечки и вареную курицу. Мы тоже питались вареной курицей, а вареными яйцами кидались в проезжающие мимо поезда. Но карт у нас не было. Мы попросили карты у бурятов.

— Вы точно их отдадите? — поинтересовался бурят, который, видимо, всю жизнь страдал от людского коварства и не слишком доверял людям.

— Конечно, отдадим, — сказали мы.

— Обязательно отдайте, — сказал бурят. — Иначе мы тут со скуки сдохнем.

Получив карты, мы уселись играть в «тыщу». И так увлеклись, что не заметили, как подкралась неадекватная археологиня. Она мягко и пружинисто, словно дикая кошка, прыгнула и, схватив со стола карты, выкинула их в окно.

— Это не наши карты, — сказал я.

— Это теперь ничьи карты, — мудро заметила археологиня.

Буряты в это время курили в тамбуре.

Мы щадили их чувства. Полдня мы скрывали горестное известие о гибели карт. Хотели даже сообщить о прискорбном событии в письменном виде, послав на боковуху нечто вроде похоронки.

Но в конце дня мой друг Каспар все-таки рассказал о случившемся. И протянул бурятам остатки колоды. Пять или шесть карт. Попробуйте, мол. Может, ими тоже можно во что-нибудь сыграть.

Глаза у бурятов сначала расширились, а потом совсем сузились. Мне показалось, что по щеке бурята скатилась скупая мужская слеза. А по щеке бурятки — скупая женская.

— Я так и знал, — сказал бурят. Меня восхитили его мужество и фатализм.

Вот такая была наша археологиня. Бурятов она не пожалела, а Хуяма пожалела.

— Что вы делаете? — закричала начальница, глядя, как Хуяма запихнули головой в люльку. — Он же погибнет.

Какое, спрашивается, ей было дело до того, погибнет Хуям или не погибнет. Ну погибнет Хуям — и хуям с ним. Что за интеллигентская привычка всюду совать свой нос!

Местные жители снова переглянулись и почесали репы.

— Действительно, что мы делаем? Что-то не то мы делаем. Мы должны бить вас, а не Хуяма.

С этими словами абориген втопил по физиономии товарищу, который выдавал себя за каратиста. Каратист отлетел к костровищу, улегся там и заснул.

Тогда из палатки вышел начальник экспедиции Алексей Анатольевич К***, которого мы за глаза называли Лешей, а в глаза никак не называли, потому что он ни с кем из нас не общался. Не тратя лишних слов, Леша схватил кол и всадил его в живот одному из аборигенов. Самому здоровому.

Абориген пожал плечами, выхватил у Леша кол и безо всякого Шаолиня начал его херачить. Другие аборигены тоже взялись за колья и присоединились к первому.

— Что вы делаете? — снова закричала археологиня. — Вы же его убьете.